

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.034

УДК 821.161.1Акунин:81'373.45

А. А. Уразбекова

*Представительство Россотрудничества в Венгрии —
Российский центр науки и культуры в Будапеште
Будапешт, Венгрия*

ПОЛОНИЗМЫ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «СЕДМИЦА ТРЕХГЛАЗОГО»

В статье анализируются полонизмы, употребленные в романе Б. Акунина «Седмица Трехглазого», рассматриваются изменения их значения и способы ввода в текст: без толкования, с неполным (частичным) объяснением, с приведением русского эквивалента в узком или более широком контексте; автор прибегает как к развернутым вкраплениям из польского языка, так и к одиночным включениям.

Для русского языка польский реже выступает в качестве донора, но чаще — в качестве посредника при передаче лексем из европейских языков. На примере слов *поручик* и *rogicznik* детально показывается процесс вхождения лексемы в русский язык в конкретной форме.

«Польский текст» рассматривается сквозь призму индивидуально-авторского стиля Бориса Акунина. Полонизмы в романе выполняют характерологическую и оценочную функции, описывают исторический колорит, являются маркером польского происхождения персонажа и демонстрируют многообразие языковой игры, позволяют давать эстетико-идеологическую оценку героям и событиям, выступают в роли закодированных элементов. Среди заимствований из польского языка присутствует как апеллятивная, так и ономастическая, прецедентная лексика. Поляки рисуются автором отрицательными героями, в ассоциируемых с ними диалогах и описаниях регулярно присутствует пейоративная оценка. Полонизмы воспринимаются читателями как слова понятные, знакомые, хотя их показная «простота» нередко может привести к недопониманию, поскольку объем лексического значения при заимствовании остается одинаковым только в тех редких случаях, когда лексема изначально была заимствована польским языком и почти сразу же из него — русским.

К л ю ч е в ы е с л о в а: полонизм; заимствование; иноязычные слова; польский язык; русский язык; лексикография; семантическая адаптация; языковые контакты; Б. Акунин

Ц и т и р о в а н и е: Уразбекова А. А. Полонизмы в романе Б. Акунина «Седмица Трехглазого». DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.034 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 225–241.

*Поступила в редакцию: 27.06.2019
Принята к печати: 17.04.2020*

Alina A. Urazbekova

Representative Office of Rossotrudnichestvo in Hungary —
Russian Centre for Science and Culture in Budapest
Budapest, Hungary

POLONISMS IN B. AKUNIN'S *THE SENNIGHT OF THE THREE-EYED*

This article analyses polonisms used in B. Akunin's novel *The Sennight of the Three-Eyed*. The paper considers changes in the meaning of loanwords from Polish and the ways they are introduced into the text: without an interpretation, with an incomplete (partial) explanation, with a Russian equivalent in a narrow or wider context; the author resorts to both expanded and single inclusions from Polish into the text.

Polish rarely acts as a donor for the Russian language, but more often — as a mediator in the transfer of lexemes from European languages. The example of the Rus. *поручик* and Pol. *porucznik* shows the process of a lexeme entering the Russian language in a specific form in detail.

The “Polish text” is viewed through the prism of Boris Akunin's individual author's style. Polonisms perform characterological and evaluative functions in the novel, describe the historical atmosphere, act as markers of the character's Polish origin, and demonstrate the diversity of language play. Loanwords from Polish give an aesthetic and ideological evaluation of characters and events and act as coded elements. Among polonisms, there are appellative, onomastic, and precedent lexemes. The Polish people are portrayed as negative characters in the novel, and pejorative elements can be regularly found in dialogues and descriptions associated with them. Polonisms are perceived by readers as clear, familiar words, although their ostentatious “simplicity” can often lead to misunderstandings, since the volume of lexical meaning in loanwords remains the same only in the rare cases when the lexeme was originally borrowed by the Polish language and almost immediately from it — by Russian.

Key words: polonism; loanword; foreign words; Polish language; Russian language; lexicography; semantic adaptation; language contacts; B. Akunin

For citation: Urazbekova, A. A. (2020). Polonizmy v romane B. Akunina “Sedmitsa Trekhglazogo” [Polonisms in B. Akunin's *The Sennight of the Three-Eyed*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 225–241. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.034

Submitted: 27.06.2019

Accepted: 17.04.2020

Действие романа Бориса Акунина «Седмица Трехглазого» происходит в Российском царстве в XVII в., когда Речь Посполитая имела притязания на российский престол, а позже — на влияние на внешнюю политику дома Романовых. В данной статье мы проанализируем полонизмы, введенные автором в этот исторический детектив, определим особенности их употребления и включения в текст. По мнению Т. А. и А. В. Снигиревых, «Акунин — всеми признанный стилист, и стилизаторская филигранность его текста безусловна, но “чистота”

русского языка всегда оттенена, разбавлена и подчеркнута иноязычием самого разного свойства и характера, что с необходимостью подчинено... национальной концепции писателя» [Снигирева, Снигирев, с. 78]. Если об англо-американской [см.: Афанасьева], русской [см.: Снигирева, Снигирев] и иных культурах в романах Б. Акунина было написано немало, то польское влияние еще не рассматривалось.

Полонизмы по численности (без учета старославянизмов) в русском языке превосходят все остальные заимствования-славянизмы. В начале XXI в. В. Витковский насчитал более 1000 лексем польского происхождения в русском языке [Witkowski]. Наиболее интенсивно они заимствовались в XVI–XVII вв. [см.: Тамань; Гарбуль; Лесюв; Милейковская; Kochman].

Лексическими заимствованиями из польского языка мы считаем либо те слова, которые из латинского, итальянского, немецкого, французского и других языков пришли в русский через польский¹, либо собственно полонизмы. Слова типа *ксендз*, *костел*, *поляк* и подобные широко употребляются в «польском тексте»² для придания ему необходимого колорита, но при этом такая лексика уже настолько часто и регулярно встречается в русских романах и повестях, что не нуждается в авторских пояснениях и комментариях. В практике составления словарей утрата экзотизмом национального компонента значения (помет «пол.», «англ.» и пр.) свидетельствует о его переходе в разряд заимствованных слов и освоении лексемы языком-реципиентом. «Из-за относительной регулярности употребления, вызванной языковой необходимостью, многие из экзотизмов семантически освоены: они понятны, легко воспроизводятся говорящими, устойчиво воспринимаются как знак определенной инонациональной действительности» [Кальнова, с. 62].

В польском тексте, каким, несомненно, является данный роман, автор регулярно использует маркеры национальной специфики³. Б. Акунин описывает реально существовавших исторических персонажей, обращаясь к прецедентным именам: Владислав Жигмунтович⁴, Ежи Сапега⁵, Гонсевский⁶, Маришка⁷, Жигмонт⁸, Ян Казимир⁹, Стефан Чарнецкий¹⁰.

¹ Об использовании польского языка в качестве посредника при заимствовании лексики см. [Смирнов, с. 2].

² О польском тексте в русской литературе подробнее см. [Сетько].

³ Об иноязычных вкраплениях см. подробнее [Леонтьев; Листрова-Правда; Краснова].

⁴ Владислав IV Ваза — король польский и великий князь литовский.

⁵ Лев Иванович Сапега — государственный и военный деятель Великого княжества Литовского.

⁶ Александр Корвин-Гонсевский — государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, комендант московского Кремля в 1610–1612 гг.

⁷ Марина Юрьевна Мнишек — дочь польского магната, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Образ польской красавицы-аристократки, раскрытый А. С. Пушкиным, А. Н. Островским, В. Хлебниковым и др., вобрал в себя черты поэтичности, сентиментальности, мифологичности.

⁸ Сигизмунд III Ваза — король польский и великий князь литовский.

⁹ Ян II Казимир Ваза — король польский и великий князь литовский.

¹⁰ Стефан Чарнецкий — польский военачальник, национальный герой Польши.

Для придания тексту легко угадываемого польского колорита¹¹ Б. Акунин использует своего рода «польский набор» — полонизмы, «перетекающие» из романа в роман, от автора к автору при условии, что сюжетно произведение связано с Польшей или выходцами из нее. Передачу локального колорита и национальной маркированности польского персонажа можно назвать основной функцией, в которой используются польские языковые элементы. К самым распространенным относятся *лях*, *поляк*, *Польша*, *Речь Посполитая*:

В Москве *ляхи*, под Москвой казаки, да рязанское земское войско, да теперь еще, вишь, какое-то нижегородское... (с. 10)¹²;

Поляк — это еще ладно, у них какой-никакой порядок есть (с. 17);

— Мы со шведами воевать не думаем. Нам бы у *Польшы* свое отобрать, — попробовал отговориться Трехглазый, у которого мысли сейчас были о другом (с. 100);

Деньги нашлись: всех жидов *Речи Посполитой* обложили поголовной податью — пускай за погибель схизматиков платят нехристи (с. 139).

Регулярным показателем обращения автора к польской теме в тексте является употребление им форм вежливого обращения на «вы» *пани*, *пан* [см.: Ананьева, 2004; Рудык]:

Пойду сам, а ты побудь с *пани Маришкой* (с. 22);

От *пана енерального судьи* до твоей милости. *Проше пана* пожаловать за мною (с. 146).

Безэквивалентная лексика, не имеющая в языке-приемнике иного наименования денотата, типа *бигос*, *очепины* и пр., в романе не встречается.

Писатель тщательно отбирает средства для характеристики своих персонажей, а лексические заимствования усиливают правдоподобность описываемых событий и героев. Среди прочих Б. Акунин использует и стилизованные транслитерированные единицы польского языка, перевод которых читателю не предлагается, но из контекста видно, какое значение подразумевается. Этот прием помогает заставить читателя поверить в реальность героя и рассказанной истории, ср.:

Укладывайся, *котухнечка*¹³. Спать будем (с. 25);

— Ложись, *коханый*¹⁴, и зажмурься, — нежно приговаривала Маришка (с. 26);

— *Tak dobrze?* — спросил Кубек.

— *Bardzo dobrze*¹⁵ (с. 156).

Последнее можно отнести к типичным речевым признакам поляков в русской литературе (наряду с фразами *пся крев*, *матка боска* и т. п.).

¹¹ Б. Акунин ставит в своих романах нации перед лицом друг друга, выявляя их самобытность или штампы и стереотипы этой самобытности [Снигирева, Снигирев, с. 75].

¹² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию [Акунин] с указанием страниц в круглых скобках.

¹³ От пол. *kotuchna* 'ласк. о коте, кошке' [Doroszewski].

¹⁴ От пол. *kochany* 'любимый, дорогой' [Ковалёва, с. 68].

¹⁵ От пол. *bardzo dobrze* «очень хорошо».

Следуя литературной традиции XIX–XX вв., автор вводит в текст инографические употребления целых фраз — инкрустации, включения. Акунин не заботится об удобстве читателя, а решает исключительно текстовые задачи, включая в роман целую фразу-вкрапление на польском языке без перевода и не разъясняя ее даже в более широком контексте. В какой-то степени здесь можно было бы сказать о *licentia poetica* функции проникновений. Эффект закодированности при отсутствии пояснений значения лексем в полной мере проявляется в следующих примерах¹⁶:

- Обернувшись к отряду, убийца тонко крикнул непонятное:
— Zsiadać! Rozkulbaczyć konie! Skrzesać ogniska! Rozbijemy obóz tutaj. Pod murem!
(с. 18);
Злодей ответил:
— Tak będzie bezpiecznie, panie pułkowniku. Mógł przekazać wieści kozakom albo ziemtsom <...>.
— Poruczniku, wystaw straż przy bramie. Niech się zmieniają co dwie godziny. Zostaniesz tu z regimentem jako dowódca, — говорил жирный, привычный командовать голос <...>.
Другой, звонкий, уже знакомый, бодро отвечал:
— Tak jest, panie pułkowniku! (с. 19);
И солдатам: — Służba, zróbcie tu posłanie! (с. 23);
Страшный человек, так легко обрывавший чужие жизни, резко обернулся к окну — оттуда крикнули:
— Panie pułkowniku! Przepraszam za najście, ale nie mogę znaleźć pana porucznika. Żołnierze chcą wódki!
Вильчек быстро подошел к окну, высунулся.
— Oto jestem! Teraz wychodzę! (с. 28).

Помимо отрывков текста, введенных в качестве вкраплений без пояснений и перевода, Б. Акунин использует транскрибирование польских слов¹⁷ с данным в более широком контексте переводом¹⁸, чтобы читателю явственно слышался польский «акцент»¹⁹:

- Uciekaj! Chyżo! Ja ich zatrzymam! Spotkamy się na *Głowe!*
Коренастый схватил грамоту и с разбега, бесстрашно, прыгнул в окно (с. 90);
— Скажи, Яков, что такое «*Гу́ова*»?
— По-польски это «*голова*», а еще не знаю (с. 98).

¹⁶ О монодискурсивных вкраплениях, когда герои в разговоре переходят на другой язык, см. подробнее [Коломейцева].

¹⁷ Практическая транскрипция, т. е. ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, соответственно традиции, является основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке [см.: Маринова, 2014, с. 45–46].

¹⁸ Л. Г. Самотик пишет о познавательном значении текстов Б. Акунина, где автор объясняет значения экзотизмов сразу после употребления их в романе [см.: Самотик, с. 14].

¹⁹ О пояснениях при вводе в текст варваризма см. [Арапова, с. 11].

Другой способ ввода иноязычных вкраплений в текст — пояснения и авторский перевод в более широком контексте:

— Hej! Co tam się dzieje?

— To ja, Wilczek²⁰! — донеслось с той стороны. — *Sprawdzam strażę!*

— Говорит, *проверяет караулы*, — шепнула Бабочка. — Врет. Упал там кто-то (с. 25); Дуло глядело ему прямо в лицо.

— Ponownie ty! Kim jesteś, ty nędzny psie?

Сам ты *пес*. Думаешь, что узнал. Нет, гадина, ты меня еще не узнал... (с. 104);

Он говорил: где нет людей, там некому и бунтовать. Жестокое карателя называли коротко — *Czarty*, *Черный*, потому что он был черен рассудком (с. 98).

Как видим, автор последовательно отрицательно оценивает польских персонажей, и в результате иноязычные элементы выполняют эстетико-идеологическую функцию.

Выбор заимствований не обусловлен тем, кто именно говорит: полонизмы употребляются как в речи персонажей, так и в авторском тексте.

Польский язык нередко воспринимается носителями русского языка как понятный, как искаженный русский. Может сложиться впечатление, что подобно звучащие в двух языках слова совпадают и по значению, но чаще всего это не так. Нередко полисемичные в польском языке лексемы заимствуются не со всем набором значений, ряд из них у русскоязычных слов отсутствует. Чаще всего семантический объем заимствованного слова при адаптации в языке-реципиенте сужается.

В том случае, когда слово изначально было заимствовано польским языком, а затем перенесено в русский, объем лексических значений может совпадать [Шушарина, с. 103]²¹. Как, например, в следующем случае: заимствованный польским языком из венгерского *kontusz* закрепился в русском языке в том же значении²²:

Станом гибок, движениями легок, одет в синий *кунтуш*, перепоясанный сребротканым кушаком, порты красные, сапожки желты (с. 20).

kuntusz = *kontusz*²³ [Doroszewski]

кунтуш [ССРЛЯ, т. 5, ст. 1840]

Старопольская верхняя одежда, длинная, с разрезанными рукавами (отверстиями), скрепленными, как правило, на спине.

Старинная польская и украинская верхняя одежда вроде кафтана с широкими откидными рукавами.

²⁰ Личные имена в романах Б. Акунина представляют собой интересный материал с точки зрения лексико-семантического анализа и могут быть рассмотрены как репрезентанты индивидуально-авторской концептосферы [Ярмухаметова, с. 150].

²¹ Об изменении семантического объема лексического заимствования при адаптации языком-реципиентом см. [Проценко].

²² Подробнее о методике анализа вхождения полонизмов в русский язык см. [Уразбекова].

²³ Значения польских слов приводятся по самому подробному на сегодняшний день толковому словарю польского языка [Doroszewski], включающему в себя примеры из источников начиная со второй половины XVIII в. до времени создания словаря, в том числе лексемы, вышедшие из употребления в XX в. Здесь и далее значения слов из словарей польского языка приводятся в переводе автора статьи.

Следует отметить, что в ряде случаев в русском языке одна звуковая оболочка объединяет в себе лексические значения двух слов, попавших в язык-реципиент разными путями. См. следующий пример, когда слово пришло в русский язык непосредственно из польского языка, а его омоним — из французского:

Жолнеры во дворе, а начальные люди, должно быть, здесь, под крышей (с. 19).

żołnierz [Doroszewski]

жолнёр [ССРЛЯ, т. 4, ст. 181]

1. Человек, отбывающий военную службу, член вооруженных сил данной страны (профессиональный или исполняющий службу по причине всеобщей военной обязанности).

1. Польский ратник, солдат-пехотинец.

2. *Без мн. ч.* Войско, солдаты.

≠

≠

2. То же, что *жалонер*²⁴.

Иногда польский язык является языком-донором новых слов, не выступая в качестве посредника, ср.:²⁴

Пожив в Неопалимовской обители, близ *шляха*, Маркелка повидал много разных людей, но почти сплошь мужеского пола, потому что бабам шляться по дорогам некуда и незачем (с. 21).

szlach // *szlak* [Doroszewski]

шлях [ССРЛЯ, т. 17, ст. 1486]

1. Природная дорога (например, река) или тракт, сформированный хождением, ездой; дорога, которой кто-то прибыл или должен приехать.

Большая дорога; тракт (преимущественно на юге и западе России).

2. Декоративный мотив в форме цветной полосы, отделенной от фона.

≠

3. След.

≠

У ляхов тяжело хворает король Жигмонт, вот-вот помрет, и тогда начнут они по своему *шляхетскому* обыкновению рядиться, кого сажать на трон, и все между собой перебранятся (с. 85).

szlachta [Doroszewski]

шляхта [ССРЛЯ, т. 17, ст. 1487–1488]

1. Социальный класс, происходящий из рыцарства, имеющий наследственные привилегии и права, предоставленные царствующими; в Польше выделился в XIV веке, имеющий до XIX века экономические и политические преимущества над другими классами; собирательно о людях, принадлежащих к этому классу.

1. Польское мелкопоместное дворянство.

²⁴ В этом значении (*устар.* ‘солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть’) лексема заимствована из французского [ССРЛЯ, т. 4, ст. 23].

Пуще всего в Москве заволновались, узнав, что, воодушевленные успехами Чарнецкого, паны на *сейме* постановили собрать королю армию для окончательного умирения Украины (с. 139).

sejm [Doroszewski]

1. В народной Польше: высший, однопалатный орган государственной власти, принимающий законы, а также осуществляющий контроль над деятельностью всех органов государственной власти; в межвоенной Польше: одна (низшая) из палат парламента; в былой Польше: с XV в. наивысший законодательный орган, состоящий из короля, сената и палаты депутатов.

≠

≠

сейм [ССРЛЯ, т. 13, ст. 574]

1. Сословно-представительное учреждение в некоторых государствах Восточной Европы в эпоху феодализма.

2. Собрание сословных или других высоких представителей.

3. Высший законодательный однопалатный орган государственной власти в Польской Народной Республике и Финляндии.

В других случаях мы находим адаптированные из третьих языков в польском, а позже заимствованные русским языком лексемы²⁵. См. пример, когда польский язык выступил посредником при заимствовании из французского языка:

Они шли по городской стене, и Яков перемежал свой рассказ, показывая на земные работы: там-де будет бастион, там *куртина*, там рavelин (с. 101).

kurtyna [Doroszewski]

1. В театре: подвижная завеса (поднимаемая или раздвижная), отделяющая сцену от зрительного зала.

≠

≠

2. *Воен., устар.* Вал, связывающий два бастиона фортификации.

куртина [ССРЛЯ, т. 5, ст. 1879–1880]

≠

1. Гряда для цветов или других растений; клумба.

2. Участок, засаженный одной породой деревьев; группа деревьев одной породы.

3. В старину — часть крепостной стены или крепостного вала между двумя бастионами.

Приведем пример, когда польский язык выступил посредником при заимствовании из немецкого языка:

²⁵ О проблеме разграничения «своего» и «чужого» при рассмотрении вопроса о происхождении, при роде очередного значения многозначного слова см. [Маринова, 2012].

Степан Матвеевич завистливо пощупал вышитый позументами *обилаг*²⁶, потрогал пуговицы рыбьей кости (с. 131).

obszleg [Doroszewski]

обилаг [ССРЛЯ, т. 8, ст. 514–515]

1. *Обычно во мн. ч.* Манжета у мундира.

1. Отворот на конце рукава; отворот на платье.

2. Удобрение, окружающее парник.

≠

Соседняя *Замковая* гора, поверху заросшая буйными белыми черемухами, походила на жбан пенистого пива (с. 142).

zamek [Doroszewski]

замок [ССРЛЯ, т. 4, ст. 677]

1. Со Средневековья до XVII в. оборонительная штаб-квартира феодального пана, центр власти; в XVII в. и позже королевская или магнатская резиденция, городская или загородная.

1. Укрепленное жилище феодала.

≠

2–4. [Относятся к лексическому значению русского слова *замо́к*].

2. Название некоторых тюрем, острогов.

≠

5. *Зоол. Обычно во мн. ч.* Верхние края раковины плеченогих и мидий, снабженные зубами, выступами и т. п., соединяющими обе части раковины.

≠

См. пример, когда польский язык выступил посредником при заимствовании из итальянского языка:

Первая комната была белая с синим, голландская, с изразцовыми печами и цветастыми *шпалерами*; потом персидская, вся в коврах, потом фарфоровая — сплошь в вазах, кувшинах, настенных блюдах; потом серебряная — всюду стеклянные шкафы со сверкающими кубками (с. 199).

szpaler [Doroszewski]

шпалера [ССРЛЯ, т. 17, ст. 1518–1519]

1. Два параллельных ряда деревьев или кустарников, образующие аллею; аллея, образованная деревьями или кустарниками, иногда стриженными.

≠

2. Два ряда людей, выстроенных по двум сторонам прохода, улицы; реже два ряда предметов, образующих коридор; проход между двумя рядами людей, предметов.

≠

²⁶ Происхождение слова приводится по Г. А. Крылову [Крылов].

3. Декоративная ткань, используемая особенно для обивки стен.

≠

≠

≠

1. Безворсовый настенный ковер или обивочная ткань с сюжетным или пейзажным изображением, выполненным ручным способом.

2. *Только мн. Устар.* То же, что обои.

3. *Обычно мн.* Специальная решетка или натянутая на колья проволока, по которой вьется растение или к которой привязываются ветви деревьев для придания им определенной формы.

4. *Только мн.* Ряды, шеренги, обычно военных, по сторонам пути следования кого-, чего-либо.

В пролом, отдельно от всех, въехали еще двое, на хороших лошадях с богатыми *чепраками* (с. 18).

Чапрак / чепрак считается заимствованием из турецкого языка [Doroszewski; Brückner, s. 72; Фасмер, т. 4, с. 315; ССРЛЯ, т. 17, ст. 845], однако В. Витковский [Witkowski, s. 233] с ними не согласен, считая лексему заимствованием из польского языка в русский, у В. Шетэля [2007] слово не представлено.

В русском и польском языках есть слова, обозначающие близкие по толкованию понятия и звучащие подобно, например, лексемы *поручик* и *porucznik*. Оба слова описывают военные чины, при этом русский язык выступил реципиентом [Фасмер, т. 3, с. 336; Witkowski, s. 160]. *Porucznik* переводится на русский язык как *порутчикъ* уже в третьей четверти XIX в. [Потоцкий, с. 495], хотя в то же время еще можно было встретить разночтения в толковании: *porucznik* «уполномоченный, поверенный, представитель; // *Воен.* поручикъ, порутчикъ» [Дубровский, с. 468]. В XXI в. двойственность перевода сохраняется: *поручник*, *старший лейтенант* [Ковалёва, с. 139]. В русском языке *поручник* толкуется как «то же, что поручитель» [ССРЛЯ, т. 10, ст. 1423]; «ходатай, поверенный, заступник» [Даль, т. 3, с. 324–325], а *поручик* — как «в дореволюционной России, в армии — офицерское звание, следующее за подпоручиком. // Лицо, носившее это звание» [ССРЛЯ, т. 10, ст. 1421]; «1. В царской армии: офицерский чин рангом выше подпоручика и ниже штабс-капитана, а также лицо, имеющее этот чин» [Ожегов, с. 554]. Мы видим, что значения лексем *поручик* и *поручник* не пересекаются.

В «Понятийном словаре старопольского языка» Института польского языка Польской академии наук [SPJP] лексема *porucznik* не представлена, а в «Словаре старопольского языка» М. Аркта она трактуется как «1) уполномоченный, наместник, комиссар, заместитель; 2) в прошлом второй человек после ротмистра в кавалерии, наместник» [Arct, s. 374]. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского представлено *пор□чьникъ* = *пор□чьникъ* в следующих значениях: «свидетель, удостоверитель (бывшего)»; «ручающийся (за будущее)»; «поручитель»; «заложник»;

получивший поручение, исполнитель воли»; «правитель»; «правитель, попечитель»; «смотритель, управитель»; «настоятель»; «надсмотрщик» [Срезневский, т. 2, стб. 1220–1221].

На основании приведенных выше данных мы можем предположить, что при вхождении в русский язык полонизм *porucznik* со значением военного чина изменил свою форму и лексема стала звучать как *поручик*, так как на момент заимствования (XVII — начало XVIII в.) в языке-реципиенте уже активно употреблялось слово *поручник* с широко представленным рядом значений.

См. употребление слова в тексте романа:

Зато второй, *поручник*, вблизи оказался красавец (с. 20).

Несмотря на то, что *пѣлкѣ* = *пѣлкѣ* = *плѣкѣ* = *полкѣ* [Срезневский, т. 2, стб. 1747] уже в древнерусском языке многозначно, лексема *полковник* заимствуется русским языком из польского вместе с иными словами военной направленности (*хорунжий*, *пушка*) [Фасмер, т. 3, с. 311; Brückner, s. 448; Witkowski, s. 157]. Здесь мы видим, как Б. Акунин, стремясь продемонстрировать читателю польский «акцент», использует «фонетическую» мимикрию, искажает заимствование, стилизуя речь персонажа:

Польский *пулковник* — его Маркелка рассмотрел первым — был важен, не иначе ихний ляшский боярин (с. 20).

Детективному тексту Б. Акунина свойственна языковая игра [см. Руденко, с. 101]. Не обходится без нее и «Седмица Трехглазого». В людической функции автор использует прозвища поляков, которые играют особую роль в системе литературных антропонимов романа²⁷. Они, «употребляясь рядом с именем... выступают в роли своеобразного символа, знака, помогающего выделить героя из ряда других действующих лиц; помогают дать разностороннюю характеристику персонажу, а также показать отношение к нему других героев произведения. Наряду с этим, прозвища являются такими номинативно-информационными единицами, которые способствуют усилению экспрессивности повествования, привносят в текст произведений национальный колорит» [Зиннатуллина, с. 75], ср.:

Прикути ему к ноге с двух сторон, *Кубек*²⁸ (с. 156).

В следующем примере нарицательное имя в функции собственного подчеркивает повадки и наклонности героя:

Нет, *Вильчек*. Стража никому кроме меня не отдаст (с. 22).

²⁷ «Говорящие» фамилии используются Б. Акуниным для создания культурного фона и усиления художественного колорита произведения» [Ярмухаметова, с. 152].

²⁸ От пол. *kubek* 'кружка' [Ковалёва, с. 77].

В более широком контексте автор дает разъяснение значению прозвища:

Тогда меня поляки и прозвали *Вильчеком*. Это по-ихнему «*волчок*» (с. 23);

— Худой, с загнутым носом, а глаза один голубой, другой черный? Это *Латавец*²⁹.

Почему ты зовешь его Вильчеком?

— *Латавец*?

— Так он себя называет, это по-польски значит «*коршун*», а настоящее имя нам неведомо (с. 98).

Нужно отметить, что ни в словаре современного польского языка [SJP], ни в словаре польского языка середины прошлого века [Doroszewski] *latawiec* не имеет значения «коршун». Видимо, здесь полонизм употребляется в функции субституции другого славянского языка, когда «определение ‘польский’ может неправомерно относиться к элементам иного языкового кода» [Ананьева, 2011, с. 18].

Макароническая речь, изобилующая полонизмами (в данном случае попытка транслитерации живой польской фразы), не только воспроизводит национально-языковую картину мира, в которой ее носители — персонажи и повествователь — демонстрируют ее нам, но с той или иной степенью интенсивности и детализации акцентирует внимание читателя на заимствованиях из польского языка. Этот способ передачи нациолекта — произношение слов с иностранным акцентом — используется здесь с целью отчуждения иностранной речи, см.:

От пана енерального судьи до твоей милости. Он ждет тебя. Проще пана пожаловать за мною. Толки обещауй абы еден был (с. 146).

Проблема взаимодействия русской и польской культур многоаспектна и имеет давнюю историю. Поэтому неудивительно, что автор не только использует полонизмы в русском языке, но и употребляет русизмы как маркеры живого польского языка.

Интересен пример лексемы *шшиш*, которая, по Фасмеру [Фасмер, т. 4, с. 444], была заимствована польским языком (в значении «в старину — разбойник, грабитель» [ССРЛЯ, т. 17, с. 1432]). И хотя В. Шетэля [Шетэля, с. 257–258] с данной трактовкой вопроса не согласен, а у В. Борыся [Boryś] слово *szysz* не представлено, А. Брюкнер [Brückner, с. 562] отмечает: «из русского, о ‘*czatownikach*³⁰, *rabusiach*³¹, в 1600–1640 гг.». Польско-русский и русско-польский параллельный корпус [ПРППК] фиксирует один контекст употребления лексемы *szysz* в данном значении:

Wielki mi *szysz*! [Narrenturm, Sapkowski Andrzej]

(«Тоже мне преследователи» [Narrenturm, Сапковский Анджей]).

²⁹ От пол. *latawiec* ‘*уснар*, по народным верованиям: летающий злой дух, появляющийся в виде различных призраков, летающих звезд, блуждающих огней’ [Doroszewski].

³⁰ ‘Тот, кто стоит на стреме; караулит’ [Doroszewski].

³¹ ‘Грабитель’ [Ковалёва, с. 158].

Ср. употребление рассматриваемой лексемы в тексте романа:

А творилось который год одно и то ж: все со всеми воюют, все друг дружку режут, в поле шалят разбойники, в лесах — *шииш*, в городах — тати (с. 10).

Еще одним русизмом [Brückner, s. 231] выступает слово *кистень*, которое через русский язык было заимствовано в польский из тюркских, ср.:

Еще есть ночные оборотни — днем люди как люди, а в темное время для прокормления берут *кистень*, грабят (с. 10).

Таким образом, типы и функции полонизмов в романе Б. Акунина «Седмица Трехглазого» многочисленны и разнообразны, что позволяет автору ярко описать картину польского мира начала XVII в. Исследование заимствований из польского языка в художественном тексте конкретного автора перспективно с точки зрения изучения специфики его поэтики, вопроса употребления индивидуально-авторских полонизмов и определения тех лингвистических средств, с помощью которых выражается эмоциональное содержание текста³². Б. Акунин прибегает как к развернутым вкраплениям из польского языка, так и к одиночным включениям. Полонизмы в его романе выполняют характерологическую и оценочную функции, создают исторический колорит, являются маркером польского происхождения персонажа и участвуют в многообразной языковой игре, позволяют дать идеологическую оценку героям и событиям, выступают в роли закодированных элементов.

Источники

Акунин Б. Седмица Трехглазого. М. : АСТ : Жанры, 2017.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1978–1980.

Дубровский П. П. Полный словарь польского и русского языка. Т. I : Część Polsko-Ruska. Warszawa : Nakład Ferdynanda Hösick, 1877.

Ковалёва Г. В. Польско-русский и русско-польский словарь. 9-е изд., испр. М. : Русский язык-Медиа : Дрофа, 2010.

Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Виктория плюс, 2017.

Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М. : Оникс : Мир и Образование, 2006.

Потоцкий Фр. А. Словарь польского и русского языка, составленный по наинновейшим и лучшим источникамъ. Часть первая: польско-русская. Лейпциг : Изд. Оттона Гольце, 1873.

ПРППК — Польско-русский и русско-польский параллельный корпус. URL: <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/> (дата обращения: 23.04.2019).

³² Авторы XIX в. совершенно по-иному вводят в текст и употребляют, в том числе количественно, полонизмы [см.: Николина, Уразбекова]. Это связано с тем, что для образованного читателя того времени польский язык был знаком и понятен, чего не скажешь о читателе Б. Акунина.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского [: в 3 т.]. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1890–1906.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР — Наука, 1950–1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.

Шетэля В. М. Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX–XX веков. М. : МГОУ, 2007.

Arct M. Słownik Staropolski: 26,000 wyrazów i wyrażeń używanych w dawnej mowie polskiej. Warszawa : Wyd. M. Arcta w Warszawie [b. d. w.], 1914.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wyd. literackie, 2005.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985.

Doroszewski W. Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa : Wiedza Powszechna : Państwowe Wyd. Naukowe, 1958–1969. URL: <http://www.sjpd.pwn.pl/> (date of access: 23.04.2019).

Kochman S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo. Opole : [s. n.], 1975.

SJP — Słownik języka polskiego PWN / pod red. L. Drabik, A. Kubiak-Sokół, E. Sobol. Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2019.

SPJP — Słownik pojęciowy języka staropolskiego / kierownik projektu: dr hab. B. Sieradzka-Baziur. URL: <http://spjs.ijp.pan.pl> (date of access: 23.04.2019).

Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków : Universitas, 2006.

Исследования

Ананьева Н. Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко) // Славянский вестник. Вып. 2 : К 70-летию В. П. Гудкова / под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 13–26.

Ананьева Н. Е. Польские языковые элементы в русской художественной литературе // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / отв. ред.: С. Гжибовский, В. А. Хорев, М. Волос. М. : Квадрига, 2011. С. 11–24.

Арапова Н. С. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. 1989. № 4. С. 9–16.

Афанасьева О. В. Англо-американский культурный пласт в детективной прозе Бориса Акунина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2019.

Гарбуль Л. Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 2009.

Зиннатуллина Г. Х. Особенности употребления прозвищ в художественной литературе // Известия ВолГПУ. 2013. № 4. С. 72–76.

Кальнова О. Новые иноязычные слова в русском языке: функциональный и методологический аспекты. DOI 10.18778/1731-8025.11.07 // Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica. 2015. № 11. С. 57–64.

Коломейцева Е. Б. Иноязычные вкрапления в поэтическом и прозаическом тексте // Ученые записки ЗабГУ. 2015. № 2 (61). С. 53–59.

Краснова Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Воронеж, 2009.

Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. Вып. VII. С. 60–68.

Лесюв М. К проблеме польского влияния на восточнославянские языки до XVIII века // Acta Universitas Palackianae Olomucensis Philologica. 1977. № 40. С. 173–179.

Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1986.

Маринова Е. В. Современное состояние проблемы «свое vs. чужое» в отечественной лексикологии // Вопросы лексикологии и лексикографии. 2012. № 8. С. 59–70.

Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. С. 36–133.

Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII веков. Варшава : Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 1984.

Николина Н. А., Уразбекова А. А. Полонизмы в романе И. И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина» // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 407–417.

Проценко Е. А. К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 92–99.

Руденко К. В. Специфика русской языковой личности Б. Акунина (на примере произведений фандоринского цикла) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». 2018. Вып. 2 (217). С. 98–102.

Рудык А. Обращение в польском и русском языках (на материале книги М. Нуровской «Rosyjski kochanek») // Русский язык и литература в контексте глобализации : VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию МАПРЯЛ. М. : Научный консультант, 2019. С. 448–452.

Самотик Л. Г. Экзотизмы в художественном тексте // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2006. № 3. С. 12–20.

Сетько О. А. Польский текст в русской литературе первой половины XX в.: мифопоэтические и автобиографические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. Минск, 2016.

Смирнов Н. А. Западное влияние на русский языкъ въ петровскую эпоху. СПб. : Тип. Имп. Акад. наукъ, 1910.

Снигирева Т. А., Снигирев А. В. Доказательство «от противного»: Россия, русский язык и характер в романах Б. Акунина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2014. Т. 16. № 2 (127). С. 75–83.

Тамань В. М. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Уразбекова А. А. Польские и русские лексические единицы, происходящие из одного источника: о семантических различиях слов *raport* и *panopt* // Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU. T. XV : Słowianie wczoraj i dziś. 2019. S. 205–220.

Шушарина И. А. Полонизмы в русском языке // Филологические знания на современном этапе : сб. ст. / отв. ред. И. А. Шушарина. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 102–110.

Ярмухаметова А. Р. Приемы создания авторских антропонимов на примере художественных произведений Б. Акунина // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 23 (277). Филология. Искусствоведение. Вып. 69. С. 150–153.

References

Afanasjeva, O. V. (2019). *Anglo-amerikanskii kul'turnyi plast v detektivnoi proze Borisa Akunina* [The English-American Cultural Layer in the Detective Prose of Boris Akunin] (doctoral dissertation). Moscow.

Ananjeva, N. E. (2004). O pol'skom iazyke v proizvedeniiakh russkoi literatury XIX veka (na primere tvorchestva V. G. Korolenko) [About Polish in 19th-Century Works in Russian Literature (with Reference to V. G. Korolenko's Works)]. In N. E. Ananjeva, & Z. I. Kartseva (Eds.), *Slavianskii vestnik* [Slavic Herald] (Iss. 2: K 70-letiiu V. P. Gudkova [For V. P. Gudkov's 70th Birthday], pp. 13–26). Moscow: MAKSS Press.

Ananjeva, N. E. (2011). Pol'skie jazykovye elementy v russkoi hudozhestvennoi literature [Polish Language Elements in Russian Fiction]. In S. Grzybowski, V. A. Khorev, & M. Wolos (Eds.), *Russko-pol'skie iazykovye, literaturnye i kul'turnye kontakty* [Russian-Polish Language, Literary, and Cultural Contacts] (pp. 11–24). Moscow: Kvadriga.

Arapova, N. S. (1989). Varvarizmy kak etap v osvoenii inoiazychnogo slova [Barbarisms as a Stage in the Development of Foreign Words]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, 4, 9–16.

Garbul, L. (2009). *Semanticheskie polonizmy v russkom prikaznom iazyke pervoi poloviny XVII veka* [Semantic Polonisms in the Russian Administrative Language of the First Half of the 17th Century]. Vilnius: Vilnius University Press.

Kalnova, O. (2015). Novye inoiazychnye slova v russkom iazyke: funktsional'nyi i metodologicheskii aspekty [New Foreign Words in Russian: Functional and Methodological Aspects]. *Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica*, 11, 57–64. <http://dx.doi.org/10.18778/1731-8025.11.07>

Kolomeitseva, E. B. (2015). Inoiazychnye vkrapieniia v poeticheskom i prozaicheskom tekste [Foreign Inclusions in Poetic and Prosaic Text]. *Uchenye zapiski ZabGU*, 2 (61), 53–59.

Krasnova, T. V. (2009). *Inoiazychnye vkrapieniia v russkoi literaturnoi rechi nachala XX veka* [Foreign Language Inclusions in Russian Literary Speech of the Early 20th Century] (doctoral dissertation abstract). Voronezh.

Leontjev, A. A. (1966). Inoiazychnye vkrapieniia v russkuiu rech' [Foreign Language Inclusions in Russian Speech]. *Voprosy kul'tury rechi*, VII, 60–68.

Lesiow, M. (1977). K probleme pol'skogo vliianiia na vostochnoslavianskie iazyki do XVIII veka [On the Issue of Polish Influence on the East Slavic Languages until the 18th Century]. *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis Philologica*, 40, 173–179.

Listrova-Pravda, Yu. T. (1986). *Otbor i upotreblenie inoiazychnykh vkrapienii v russkoi literaturnoi rechi XIX veka* [Selection and Use of Foreign Language Inclusions in the Russian Literary Speech of the 19th Century]. Voronezh: VGU Press.

Marinova, E. V. (2012). Sovremennoe sostoiianie problemy “svoe vs. chuzhoe” v otechestvennoi leksikologii [The Current State of “Our vs. Foreign” Issue in National Lexicology]. *Voprosy leksikologii i leksikografii*, 8, 59–70.

Marinova, E. V. (2014). Osvoenie novykh zaimstvovaniia i soputstvuiushchie protsessy v russkom iazyke nachala XXI veka [The Assimilation of New Borrowings and Related Processes in the Russian Language of the Early 21st Century]. In L. V. Ratsiburskaya (Ed.), *Novye tendentsii v russkom iazyke nachala XXI veka* [New Trends in the Russian Language of the Early 21st Century] (pp. 36–133). Moscow: FLINTA: Nauka.

Milejkowska, H. (1984). *Pol'skie zaimstvovaniia v russkom literaturnom iazyke XV–XVIII vekov* [Polish Loanwords in the Russian Language of the 15th–18th Centuries]. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Nkolina, N. A., & Urazbekova, A. A. (2019). *Polonizmy v romane I. I. Lazhechnikova “Vnuchka pantsirnogo boiarina”* [Polonisms in I. I. Lazhechnikov's Novel *Granddaughter of the Armored Boyar*]. *Prepodavatel' XXI vek*, 4, 407–417.

Protsenko, E. A. (2006). K probleme klassifikatsii leksiki inoiazychnogo proiskhozhdeniia [On the Issue of Classification of Loan Vocabulary]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2, 92–99.

Rudenko, K. V. (2018). Spetsifika russkoi iazykovoi lichnosti B. Akunina (na primere proizvedenii fandorinskogo tsikla) [The Peculiarities of B. Akunin's Russian Language Personality (with Reference to the Works of the Fandorin Cycle)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya i iskusstvovedenie”*, 2 (217), 98–102.

Rudyk, A. (2019). Obrashchenie v pol'skom i russkom iazykakh (na materiale knigi M. Nurowskoi “Rosyjski kochanek”) [Forms of Address in the Polish and Russian Languages (with Reference to M. Nurowska's *Russian Lover*)]. In *Russkii iazyk i literatura v kontekste globalizatsii: VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. 50-letiiu MAPRIA L* [Russian Language and Literature in the Context of Globalisation: VI Intern. Scholarly Practical Conf. Dedicated to the 50th Anniversary of MAPRIA L] (pp. 448–452). Moscow: Nauchnyi konsultant.

Samotik, L. G. (2006). Ekzotizmy v khudozhestvennom tekste [Exoticisms in Fiction]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 3, 12–20.

Set'ko, O. A. (2016). Pol'skii tekst v russkoi literature pervoi poloviny XX v.: mifopoeticheskie i avtobiograficheskie aspekty [Polish Text in the Russian Literature of the First Half of the 20th Century: Mythopoetic and Autobiographical Aspects] (doctoral dissertation abstract). Minsk.

Shusharina, I. A. (2015). Polonizmy v russkom iazyke [Polonisms in Russian]. In I. A. Shusharina (Ed.), *Filologicheskie znaniia na sovremennom etape* [Philological Knowledge at the Present Stage] (pp. 102–110). Kurgan: Kurgan State University Press.

Smirnov, N. A. (1910). *Zapadnoe vliianie na russkii iazyk v petrovskuiu epokhu* [Western Influence on the Russian Language in the Petrine Era]. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk.

Snigireva, T. A., & Snigirev, A. V. (2014). Dokazatel'stvo "ot protivnogo": Rossiia, russkii iazyk i kharakter v romanakh B. Akunina [Proof by Contradiction: Russia, the Russian Language and Character in B. Akunin's Novels]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 16, 2 (127), 75–83.

Taman', V. M. (1953). *O pol'skoi leksike v iazyke russkikh pamiatnikov XVI i pervoi poloviny XVII vv.* [About Polish Vocabulary in the Language of Russian Texts of the 16th and First Half of 17th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Leningrad.

Urazbekova A. A. (2019). Pol'skie i russkie leksicheskie edinit'sy, proiskhodiashchie iz odnogo istochnika: o semanticheskikh razlichiiakh slov *raport* i *panopm* [Polish and Russian Lexical Units Originating from the Same Source: About Semantic Differences between the Words *raport* and *panopm*]. *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU. Vol. XV: Słowianie wczoraj i dziś*, 205–220.

Yarmukhametova, A. R. (2012). Priemy sozdaniia avtorskikh antroponimov na primere khudozhestvennykh proizvedenii B. Akunina [Techniques for Coining Author's Anthroponyms with Reference to B. Akunin's Fiction]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya. Iskusstvovedenie*, 69, 23 (277), 150–153.

Zinnatullina, G. H. (2013). Osobennosti upotrebleniia prozvizhch v khudozhestvennoi literature [Usage Peculiarities of Nicknames in Fiction]. *Izvestiia VolGPU*, 4, 72–76.

Уразбекова Алина Айжарыковна

ведущий специалист-эксперт
Представительство Россотрудничества
в Венгрии — Российский центр науки
и культуры в Будапеште
1062 Budapest, Andrassy út 120
E-mail: alina.urazbekova@yandex.ru

Urazbekova, Alina Aizharykovna

Chief Expert
Representative Office of Rossotrudnichestvo
in Hungary — Russian Centre for Science
and Culture in Budapest
120, Andrassy út, 1062 Budapest, Hungary
Email: alina.urazbekova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7740-4578